

Анатолий Смирнов

**ОСЕННИЙ
ЧЕЛОВЕК**

Стихотворения

«Рыбинское подворье»
1996

Смирнов А. П.

Осенний человек: стихотворения. - Рыбинск:
Рыбинское подворье. 1996 г. — 80 с.

Первая книга стихов ярославского поэта Анатолия Смирнова открывает мир своеобразного глубокого лирика, автора несомненно интересного для истинных любителей поэзии. Поэзия А. Смирнова традиционна в хорошем смысле этого слова и в то же время свежа и нова, со своими оттенками мысли и чувства, приметамы серьёзной вдумчивой работы над словом.

С 4702010200 — 5 без объявл.
Р66(03) — 96

ISBN 5 — 85231 — 021 — 2

©

А. П. Смирнов. 1996 г.

* * *

Заводи свою песню старинную,
Молодой соловей.
Уже тянет болотную тиною
С запустелых полей.
Уже в сумраке носятся демоны
С грозным обликом сов,
Уже страж всего мира подземного
Открывает засов.
Вот он скрежет железный за церковью
Раззорённой и злой!
Бог поможет останемся целыми
И под этой пятой.
Заводи свою песню жемчужную,
Ворожи, вороши
Всё, что есть этой черни ненужного
В складках белой души!

* * *

Что-то большее было, чем счастье,
Когда видел в мерцании звёзд
Неподвижно-тревожные чащи
Поседевших январских берёз.

Что-то большее было, чем счастье,
Когда в утренней рдяной тиши
Слышал тонкой косою звенящий
Голосок вызревающей ржи.

Когда чувствовал сердцем щемяще,
Что я — суцая часть естества,
Что-то большее было, чем счастье,
Да не помню про это слова.

ДОЖДЬ

Осенней ночи тишина
Слегка дождём разведена —
Его печальным шепотком,
Его дрожащим локотком,
Когда по свитым стеблям трав
Идёт он, голову задрав
В непроницаемую высь,
Чтоб угадать — надолго ль жизнь
Ему отпущена в ночи...
А ты покамест помолчи,
Не прозревай и не гадай —
Близка ли боль, далёк ли край.
Иди ко мне, лишь мной пьяна,
Как в ночь сырая тишина.
В рубашке узкой на груди
Свечой в ночи ко мне иди!
Пока ты здесь, пока вдвоём,
Пока я сам не стал дождём...

* * *

Автобусы полупустые.
Капель. Весенняя звезда...
Мы не страдали, не любили —
Мы, просто, жили иногда.

Мы целовались, словно дети,
И в переулках, в царстве тьмы,
Казалось часто, что на свете
Есть только губы, только мы.

Дни ожиданием томили,
Но в этом не было вреда,
Ведь мы с тобою не любили,
А, просто, жили иногда.

По переулкам бродит ветер
В сухом предчувствии зимы...
Я благодарен, что на свете,
Пусть и недолго, жили мы!

* * *

Две рощи есть на родине моей,
Два кладбища, заросшие малиной.
Там между перекрученных корней
Прах пращуров смешался
с тёмной глиной.

Там над одними церковь Введенья
Молчит в опустошённости унылой,
А над другими в ризах забытья
Храм воина святого Михаила.

И помолившись среди блеклых стен
На еле различаемые лики,
Я отряхаю прах земли с колен
И выхожу в простор медвяно-дикий,

Где блещет меж некошенных лугов
Река стальной извивистой нитью
И травный дух натруженных веков
Стоит, как пар, над утреннюю Ситью.

* * *

Каплей расплавленной стали
Солнце упало за лес.
Мёрзлые звёзды мерцают
В чёрном провале небес.

Светятся окна несмело
Сквозь цепенеющий мрак.
Канул в дали онемелой
Лай полуночных собак.

И, как на грани сознания,
Тонут обрывками слов
В пухлых сугробах молчанья
Тёмные ямки следов.

* * *

О сколько, мать, ты думала о сыне!
Но никогда не ведала о том,
Что пряный дух пространства и полыни
Был для него желаннее, чем дом.
Июльский ливень взрывчатый и спорый,
Звёзд безымянных зоркие миры
Дороже ученических пятёрок
Или ребячьей озорной игры.
О сколько, мать, ты думала о сыне
Средь вечной стирки и мытья полов,
Коптящих печек, вылазок мышинных,
Его болезней и упрямых слов.
Но ты не знала ни ночных открытий
Над терпкими листьями вечных книг,
Ни девочки, которую любить он
И до сих пор, пожалуй, не отвык.
И он, и он, конечно, тоже думал...
Июльский край, чужая благодать;
Стоит он средь каштанового шума
И будто бы впервые видит мать.
Стоит он среди жизни, о которой
Подростком так мечталось на крыльце:
Гудки, костёл, портовый людный город...
Печаль, печаль на мамином лице!

Она-то знала, всё прекрасно знала,
На книги не потратив ни гроша:
Пути, их много, но одно начало —
Родная кровь, родимая душа!

* * *

Зачем вырастают деревья на крышах,
На узких карнизах в расщелинах камня,
Дугой изгибаются, тянутся выше,
Туда, где сквозит синева облаками,
Ведь люди придут и сломают, и сбросят,
Чтоб лишний декор не попортил фасада?..
Но снова берёзы и клёны возносит
Весна над домами младенческим садом!
Присядет пичуга на тонкую ветку,
Полдневная бабочка скроется в кроне
От едкого ливня, от дымного ветра,
От жёсткого солнца в угарной короне...
Призывно топорщатся юные листья,
А корни расклинят когда-нибудь щели
И рухнут строенья, как лживые мысли,
В которые мы свои души одели.

* * *

Когда звезда кошачьим глазом
Сверкнёт в разломе облаков
И станет как-то глубже разом
Среди сиреневых снегов,
Я вспоминаю ненароком
Не мир без края и конца, —
Избу, сирень у тёмных окон,
Себя, ребёнка, у крыльца.
И из крапивы от сарая
Взлетает ветер. Плеск листвы.
А я ещё не отделяю
Себя от неба и травы,
И запах вздымленной сирени
Лиловой дыбится волной,
И я дрожу в немом волненьи,
Как глубина пред глубиной.

ИЮЛЬСКИЙ ЛИВЕНЬ

Он начинался громко и торжественно
Ударом грома, вспышками огня,
И липы, как рассерженные женщины,
Швыряли грубо листьями в меня.

Потом пошёл работать молоточками,
И лопались на лужах пузыри...
А кончился, как повесть многоточием,
Медово-травным запахом зари.

* * *

Всю ночь туман стоял в лесу.
Но вот скользнул пунцовый змей, —
Теплеет, утро пьёт росу
Губами солнечных лучей.
Заговорил нескромный дрозд;
Заголосили комары;
Грибы, прервав на время рост,
В траве укрылись от жары.
На кочках в венчиках листвы
Блестят рубинчики брусник.
Среди ольховой синевы
Сохатый медленно возник:
Печален чёрный долгий взгляд,
Губами водит, как шепча.
Не слышат. И пошёл назад,
Рогами по ветвям стуча.
Бреду. Поваленная ель ,
Чьё корневища, как стена...
Какой тут смысл, какая цель, —
Всё — жизнь одна!

* * *

Холодно. Тускло. Бездомно.
Серый сырой небосвод.
Ветер тяжёлый огромный
Жухлые листья метёт.

Осень?.. Я точно не знаю.
Может быть, крик затая,
Ныне навек остывает
Крошка, кровинка, Земля.

Может быть, это последний
Тонкий опаловый луч
Солнце роняет сквозь бредень
Спутанных стужею туч.

Может быть, завтра — морозы,
Панцирь вокруг ледяной
И равнодушные звёзды
Не над моей головой.

ЧУЖАЯ

А женщина была родной,
Но стала вдруг чужая.
Мне это слово ледяной
Иглою сердце жалит.
Чужая, как пустыне дождь,
Как вьюга цвету мая.
Идёшь со мной, со мной поёшь,
Но все равно — чужая,
Как будто не было в ночи
Слиянной жаркой дрожи,
Как будто я не изучил
Все родинки на коже.
Чужая ты и нет конца
Ни тьме, ни глохлой стыни,
Лишь горько пахнет от лица
Забвеньем и полынью.

* * *

Ранний снег согнул ветки ивы.
Как зелёные ящери, торчат
из под снега листья.
Что ж вы, дитёныши солнца,
Не спрятались в норки земные?

У СМЕРТНОГО ОДРА

То не змея меняет чешую,
То человек у жизни на краю
Отбрасывает в судорогах тело,
Чтоб в новое войти за мглой предела.
А эту шкуру старую — в костёр,
Чтоб чёрный дух в ней волю не простёр,
Чтоб в жарком блеске вольтовой дуги
Распались смерти тщетные круги.
Агония длится тяжело...
Что ж, видно крепко тело приросло
И не взлетала в облака душа
Из этого скудельного ковша...
Ложатся стон на стон и крик на крик...
Но как мне жить,
 чтобы в предсмертный миг
Мерцанием цветным, подобным сну,
Душа сама скользнула в вышину?..
Вот ужасом лицо искажено...
А, может, отойти не суждено
Всем нам, погрязшим в будничном грехе,
В желаниях, покорных требухе,
Пока с щипцами дьявол не придёт,
Чтоб вырвать этот неподъёмный плод
И унести, и жарить на углях?..

* * *

Когда между двух рядов зданий
течёт ветер, —
это называется улица.
Внизу она синяя от снега,
вверху — голубая от звёзд.
И если надоест заглядывать на ходу
в окна первого и пятого этажей,
можно распрямиться
и смотреть,
как далеко-далеко за городом
у рваной кромки леса
бегают золотой заяц.

* * *

Река весенняя гола
И холодна в своём разливе,
А луг, как мокрая пола,
Лежит, приткнувшись к дряхлой иве.

Ну а она ещё цветёт,
Горит над омутным кружалом.
И солнце пьяное течёт
Меж жёлтых шариков куржаво.

Вот так и я, уже старик,
Застыну над бегущей бездной,
Как цвет, вздымая каждый миг
Моей любви к судьбе железной.

ВЕСНЯНА

Серый день середины апреля,
Тяжелеющих почек тоска...
Вдруг льняными кудряшками Леля
Гибкий луч просквозил облака.
А навстречу ему возле вербы
Между высохших лезвий осок
Приподнялся на цыпочки первый
Мать-и-мачехи жёлтый цветок.
И тотчас озарилась поляна
Вперекор прошлогодней тоске,
И как будто принцесса Весняна
Прикоснулась губами к щеке.

ФЛОКСЫ

К полночи столь остро пахнут флоксы,
Словно так и должен пахнуть май.
И пирог зари уже испёкся —
Тёмен и звездист небесный край.

А луна, рассыпав изумруды
Дробных рос по травам и ветвям,
Навевает гнева амплитуды
О любви молящим соловьям.

И бредут загадочные пары
По асфальту тёмному, как дно,
Их пьянит над мокрым тротуаром
Флоксовое крепкое вино,

И молчат... А что сказать возможно
О весне, о счастье, о любви,
Если так и свято, и безбожно
В ночь бурлят ручьями соловьи.

* * *

Снова звёзды горят на паркетах,
Снова луны плывут в зеркалах,
Снова воздух тягучего лета
Вездесущей сиренья пропах.
И полночные зори смеются,
Алым облачком клюнув зенит.
И над окнами шёпоты вьются,
Словно вздохи влюблённой земли.
Помнишь, мы в серебристую воду
Белым мрамором всей наготы
Шли, обнявшись, как будто в природу
С вышней мудростью. Помнишь ли ты?
Так же звёзды сверкали повсюду,
Плыли луны, сирени лились,
И любви безрассудное чудо
В нас рождало божественный смысл.
Плоть от плоти воды и камней,
Суть от сути небес и огня,
Мы — ничем неразрывные звенья
Этой жизни! Ты слышишь меня?!

* * *

Если что-то во мне есть хорошее,
То оттуда, где в скрипе телег
Вслед за тёплой вишнёвой порошей
Гордо падает яблонный снег,

Где молодки идут с коромыслами,
И в бадейках речная вода
Так чиста. Как ребячья искренность,
Как отроческой веры года.

Это всё уже прахом рассыпалось
И бурьяном густым заросло,
Лишь белеет печальная жимолость
Там, где раньше стояло село.

Да на старых берёзах по-прежнему
Гнёзда вьют молодые грачи,
И портретик товарища Брежнева
Из дупла угловато торчит.

* * *

Куда ты летишь, голубая стрела?..
Болотный камыш,
Берёзы, поля, сизоватая мгла...
Куда ты летишь?
Мелькнёт деревенька туманным огнём
И сгинет навек.
На сонном разъезде в руке с фонарём
Мелькнёт человек.
И снова болота, и снова поля
Да копны берёз...
Пружинящий грохот, печалью пыля,
Летит под откос.
Открою я тамбур — откинется мгла,
Как пряди со лба...
Куда ты летишь, голубая стрела?
Здесь наша судьба!

* * *

Сизый ветер. Тяжёлые тучи.
Дрожь зелёных взлохмаченных крон...
Заступает весна неминуче
На большой грозовой перегон.

Завтра вспыхнет жар-птицами молний,
Загремит жерновами громов,
Влажной нежностью сердце наполнит,
Как водою заброшенный ров.

И в стремлениях слитый с природой,
Среди русской равнинной глуши
Ты упьёшься великой свободой
Очарованной миром души!

* * *

Дождик зашлёпал по полю капустному,
Сизые тучи в клочках бирюзы.
Даль ивняковая, тропочка узкая,
Хочется к дому дойти до грозы.

Хочется в сердце на веки на вечные
Запечатлеть этот тихий простор:
Светлую рожь и деревни надречные,
Красную пашню и тёмный угор,

Всё, что здесь пело, плясало и плакало,
Всё, что любило окрест и цвело...
Там над обрывом у церкви, где лаково
Светится роца, стояло село.

Скоро вот так и над отчей деревней
Кроны всшумят или двинется плуг.
Жизнь отпускает страдалицу древнюю,
Фермерским домиком выйдя на луг.

Пой панихиду, пространство, кадящее
Ладаном туч в необъятность времён!
Земли великие, ветры звенящие,
Тропы, не помнящие имён.

* * *

Лохматое солнце
 всплывало над колегавкой*.
Река парила,
 словно квасом плеснули
 на каменку в бане.
Первый голавль
 ударом хвоста всколыхнул
 глянцевый омут, —
и защёлкали в камышах сорожки,
и завозились подберегом щурята.
А в колегавке ольховой
 на единственной сосне
 скрипучую песню запел
 чёрный ворон.
Он всегда просыпался
 раньше жаворонков и стрижей.

*Древесные заросли над рекой на участке от омута до омута (диалект.)

* * *

Дремлет пенное море овса
Под косыми лучами заката.
Оседает на стебли роса,
Словно воздух слезит виновато, —
Что уходит сияющий день,
Что луна забелела над лесом,
Что сквозь дебри угрюмая тень
Наплывает с туманом белесым,
Что не может никто удержать
Красный шар раскалённого света,
Что подсохла, как злаки, душа
Проводившего ласточек лета.

Я И ОНА

Где вечер грубо перечёркнут
Трамвайным грохотом и гулом,
Живу я маленький и в чёрном,
Забившись в дымный переулок.

Заря свисает на балконы
И мутно розовеют стёкла.
А у неё есть две иконы
И путь непрочный в небе блёклом.

Она стирает гарь с божницы,
И у меня коптит лампада.
Знать, оба мы вольны, как птицы,
Живущие в глубинах ада.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕРЕБОРАХ

Мы играли в биток и в лапту,
Мы «Прибоем» чадили украдкой,
О девчонках таили мечту,
Наклоняясь над школьной тетрадкой.
Но под полночь стонала струна
И, сметая школярскую плесень,
Возмущала нам души до дна
Грусть ущербная лагерных песен.
А отцы наши дома за мглой
Ждали нас, не смежив свои веки,
Половина — недавний конвой,
Половина — недавние ээки.
Звон подковок во тьме нависал
И теснились мы слева и справа,
Когда крайний сквозь зубы бросал
За плевком: «Осторожно, «лежавый»...
В нас о вольнице дума вошла,
Как под сердце гранатный осколок,
Но сжимала бровастая мгла
Волголаговской лепки посёлок,
И выросли мы с уродским горбом,
Согревая стаканом ладони...
С кем ты, друг? Как ты, друг? Что с тобой?
На какой ты мотаешься зоне?

* * *

На окнах — решётки,
За ними — луна
И звёзды, как чётки
В руках колдуна.

И щёлкает рьяно
Дозорный зрачок,
И холодом тянет
От нарных досок.

И нету исхода
Сердечной тоске,
Как тихого брода
В весенней реке.

* * *

Луна, а под луной — звезда,
И в лужах — чёрная вода,
И крон осенних чёткий профиль
На предрассветной синеве,
И кот вопит, как Мефистофель,
В угрюмой угольной траве.
Сейчас откроет адский лик,
Подсядет, скажет: «Что, старик?
Я ж говорил, чтоб стать счастливым
Всего лишь надо променять
На страсти нежные наплывы
Железной совести печать.
Смотри, ты думаешь — там кошка
Бежит бесшумно по дорожке?
Клянусь, что — мужняя жена,
Иначе рылом ткни в корыто,
Была ей совесть не нужна,
А я устроил шито-крыто.
Ты думаешь — людишки те,
Что вам с трибун клянутся честью,
Моей внимая доброте,
На этом не бывали месте?
Да и в других, куда грязней?..
О, я ошибся, но ясней
Тебе покамест будет этак.
Ну что, махнём? Ведь не монетой,
А наслаждением плачу!
Ну вот заладил: не хочу...»

Луна, и под луной — звезда,
И в лужах мёртвая вода,
И крон осенних чёткий профиль
На предполночной синеве,
И день бредёт, как Мефистофель,
По чёрной каменной траве.

* * *

— Помедли друг, не уходи,
Ведь за стеной такая осень, —
Стоят бескрайние дожди
И ветер листья в кронах косит.
Ещё в бокалах есть вино,
У образов горит лампада,
А там — беспутно, там — темно,
Там — никому любви не надо.

— Прости, товарищ мой, прости,
Но стрелки движутся к рассвету;
Я знаю — в поле нет пути,
Я знаю — в жизни счастья нету,
Я знаю — мой укроют след
Листвой и ясени, и клёны...
О если б знать, что в мире нет
Униженных и оскорблённых!

* * *

А дождик и мгла расползлись вдоль дороги,
И вязнут ступни в колее...
Всё меньше надежды, всё больше тревоги,
Всё глуше на отчей земле.
И если бы только несжатые нивы,
Не убранный вовремя лён,
Но эти избёнки, что так сиротливо
Глядят чернотой окон!
Какое нам страшное выпало бремя:
Смотреть и не в силах свести
Грядущие годы и прошлое время
В единой духовной горсти!
Затем и душа, как сырое кострище,
Что мрака нельзя избежать,
Когда ты не знаешь — на каком кладбище
Придётся по смерти лежать.
А дождик всё круче. А ветер наглее.
И хоть колея глубока,
Но нет ни направо, но нет ни налево,
Ни там, впереди, огонька.

* * *

Здесь дом стоял, теперь стоит бурьян;
Сожгло морозом яблони за домом,
Сухие ветви тянутся к полям
Некошеным, нежатым, незнакомым.

И там — бурьян, и там была изба,
И тут — под липой, и вдали — на взгорье...
Растёрла семьи грозная судьба
И род за родом выполола с корнем.

А в небе кычет ворон, а не грач...
Но застревает в горле злое слово.
Лишь тишина... И плачь или не плачь,
Ты не вернёшь былого.

ПИСЬМО

Журавли улетели на юг;
Перестали расти грибы;
Значит скоро, мой вдумчивый друг,
Нам меха надвигать на лбы.

Всю-то ночь над прудами рогоз
Не качнётся, темнеет в ряд.
Утром встанешь — от мёрзнущих рос
До обеда глаза болят.

А с обеда медлительный дождь
Заливает моё окно...
Приезжай же! Чего ты ждёшь?
Сняты яблоки все давно.

НА ЗАРЕ

Сквозь жемчуг инея рябиновым рубином
Горит, не грея, радость октября,
И застекляет окна по низинам
Рубиновая звонкая заря.

А воздух чист и звёзден на изломе,
Ершится золотистая стерня...
О хлебном духе думаю, о доме,
О том, что нету дома у меня.

* * *

Было холодно, было грустно,
Свод свинцовый давил на плечи.
В огороде росла капуста,
Начинался дождливый вечер.
Золотились сквозь липы клёны,
Наклоняясь к рябинам алым...
Вы считали меня влюблённым,
Я же мыслил себя усталым.
Был из вежливости галантным,
В дом придя, даже мыл вам ноги.
Вы считали меня талантом,
Я же мыслил себя убогим.

* * *

А вещи совсем не зловещи —
И хрупки они, и легки.
Возьмёшь их тихонечко в клещи —
То щепки летят, то куски...
Ударил дробительный молот
По грозной чугунной стране, —
Стоишь ты почти что по ворот
В расколоте том чугуне.
Забыть о присяге и долге?..
Что толку, хоть чёрт тебе брат!
Чугунные эти осколки
И в теле болят и знобят.
Другим её гибель восславить
Сквозь ненависть или любовь,
А мне б лишь осколки расплавить,
Металлом не выстудив кровь.

* * *

Опять на площади толпа
Сверхжаждет крови и свободы,
А в трёх шагах — прозрачный парк,
Листвы червонные разводы.
Не надо мне эстрадных слёз
И гнева черни на потребу,
Пойду бродить среди берёз,
Глядеть в лазоревое небо,
Вбирать в себя весь окоём
От тропки до грачиной стаи...
А тот, кто был рождён рабом,
Хоть коронуй, вольней не станет.

* * *

И холодно. И ветер гулевой.
И робкий дождь бормочет неустанно.
И пахнет в парке прелюю листвою
Да затхлой влагой смолкшего фонтана.
Поспешно прошуршат ученики,
Старик пройдёт, горбятся отрешённо,
И только крупных капель светляки
Глядят в глаза с шершавых веток клёна, —
То вдруг сверкнут протяжною волной,
То вновь черней, чем на асфальте лужи.
И поздний лист, багряный и шальной,
Сорвавшись с ветки, долго-долго кружит.
А чувства так усталы и темны,
Как будто в сон попал ты поневоле,
И видишь сам себя со стороны,
И мыслью заслоняешься от боли.

О ЛИЦАХ

Есть отсвет вечности на лицах,
Неяркий отсвет на иных,
Не знаменитых ни в столицах,
Ни в городках полуглухих.
Но лишь увидишь и без слова
Поймёшь, так сущность их ясна:
Они пришли в нам с Куликова
Через огонь Бородина.
Неробких взглядов просветлённость,
Рублёвских ангелов черты;
Земную одухотворённость
Не застит дымка суеты;
Не важно — плачут иль смеются,
В них светлый блеск воды живой;
Они в веках передаются
Как сущность Родины самой.

* * *

Бабка садилась за жёрнов,
Сыпала струйкой зерно,
Камень вращала и в жёлоб
Мучкой сбегало оно.
Будут ржаные ватрушки
Внуку и ей на обед...
Нету давно той старушки,
Мальчика бледного нет.
Только всё вертится камень
Под неустанной рукой,
Только зерно всё стекает
Животворящей мукой,
И по посадам старинным
В бликах рассветных лучей
Пахнет ватрушечным дымом
Русских подовых печей.

* * *

Намерзает на лужи заря
И сухой желтизной янтаря
Польхает меж серых колдобин.
По дороге вдоль жухлых лугов
Ты проходишь под хруст каблуков,
Вечереющей туче подобен.

Да и как здесь лицом не темнеть,
Если сердце успело сгореть
И развеяться пеплом листовым,
И теперь до конца, до креста
Жжёт такая внутри пустота —
Вусмерть пей, не становишься пьяным.

Неспокойно без всякого дна,
Даже если и вера дана
В трубный дым и горбатый ольшаник.
Не приветят у тёплой избы,
Ибо видят, что вихрей столбы
Носит в теле безропотный странник.

И покаяться некому, брат, —
Осквернённые церкви летят
В ту же бездну без дна и покрышки,
А под рёбра проломленных крыш
Только филин да звёздная мышь,
Словно черти, скользят без одышки.

Намерзает на лужи заря,
И по хрустким следам ноября
Вскачь ударит декабрьская вьюга,
Но и этих копыт холода
Прометелят внутри без следа,
Раз сорвался ты с Божьего круга.

* * *

И возле дома лепишь ты снежки,
А может бабу снежную катаешь
И сыплешь смеха ясные звонки,
И праздничным румянцем так пылаешь.
Но вдруг взгрустнёшь, с открытого лица
Под шапку заправляя светлый локон,
Как вспомнишь непутёвого отца,
Что с женщиной чужой в краю далёком,
Как вспомнишь, что играли с ним в снежки
И вместе бабу снежную катали...
«У мамы по нему ничуть тоски,
А у него по ней ничуть печали,
Но как меня оставить он посмел?!..»
И что скажу?.. Что чувства жизнью смяты?
Что вижу я себя среди всяких дел
Перед тобой безмерно виноватым?
Но жизнь нельзя уже переиграть,
Хоть сладко пахнет мартовская влага!
Но не умел иначе я шагать
По миру, как с бездумною отвагой!..
Намокнувшие варежки сдерёшь,
Подуешь на озябшие ладони.
Под крышей голубь горлице поёт,
Звенят лучи на синем небосклоне...
И так боюсь я, что среди ясных чувств
Вдруг промелькнёт нахохленную галкой:
«Вот вырасту, тогда и отплачу,
Мне будет вас ни капельки не жалко.»

СОНЕТ СТАРОСТИ

Вот первая и бледная звезда
Зажглась на сумеречном небосклоне,
Но облака, скругляясь в глыбы льда,
Всё падают в закатные ладони.

Прошли его счастливые года,
Промчались, разметав хвосты, как кони,
Лишь глухо плещет стылая вода,
Что он везёт на саночках в бидоне.

И снег скрипит, и боль его хрипит
В душе, сожжённой, как туберкулёзом:
В избе — в кровати доченька не спит,

Жена не шьёт и печка не горит,
Лишь старость одиночества глядит
На стёкла, просолённые морозом.

* * *

Осенний человек идёт сквозь зиму:
Шуршит неутеплённое пальто,
Рыжея, мельтешат полуботинки,
И пар над непокрытой головой
Встаёт, как дым над поздним теплоходом.

Спеши, беги, осенний человек,
Надейся, что догонишь уходящий
Декабрь и к Рождеству сумеешь
Одеть себя в пристойные меха
Или, по крайней мере, в вечный ватник.

Хотя, возможно, всё совсем не так —
Сквозь низкий день, сквозь сумерки моторов
Шёл вовсе не осенний человек,
Напротив человек вполне весенний,
На повороте зиму обогнавший.

ПОСЛЕ КРАЖИ

Бога украли, лампаду разбили,
Будто не люди, а нелюди были.

Впрочем, не Бог, а всего лишь иконы,
Так что долой причитанья и стоны,

Это не личные всё же пенаты,
Эти дощечки и на небе святы.

Может, пропащих спасут, повиня,
Как в своё время спасли и меня.

СЕМЕЙНАЯ ОДА

Пусть Бог казнит морозом и метелью
Весь мир, нет, не расстанусь я с постелью,
Пропахшей и любовью и тобой!
Не потому, что погружаюсь в грёзы,
Что мне страшны метели и морозы
И тороват дарованный покой.

Я знаю: всё на свете мне изменит —
И друг моих стремлений не оценит,
И враг угрюмо спрячется в тени;
Лишь ты одна как спутница погони
До смерти будешь жить в моих ладонях
Огнём костра и дрожью полыньи.

И потому не просто током крови, —
Своей судьбой живу в твоём алькове.
Что телом?.. Всей душою обнажён!
А остальное в мире лишь придача
К тебе, посмевшей смело и без плача
Стать мне женою лучшею из жён!

* * *

Глина, воздух, огонь и вода...
Мы стоим под закатным обрывом,
Золотятся притихшие ивы,
Неподвижна речная слюда.
Стрекоза взголубела крылами,
Прошумела, упала в траву.
А звезда, просверлив синеву,
Круглым глазом сверкнула над нами.
Крупный жерех, покоя лишён,
Вмиг взметнулся и сгинул неистов,
Только месяц с обрыва сошёл,
Заблестел чешуёй серебристой.
Мы уйдём, не оставим следа,
Но ведь что-то сквозь дёрн встрепенётся,
Встанет в рост, загрустит, засмеётся...
Глина. Воздух. Огонь. И вода.

* * *

Церквушке светлой минуло полтыщи,
А, может, и гораздо больше лет.
На паперти немой бельмастый нищий
Мычит, подставив шапку для монет.

И прихожане, совестью палимы,
Бросают медь, крестясь на скорбный вид...
Уж сотни сотен прошагали мимо,
Чтоб в землю лечь, а нищий всё стоит.

* * *

Я — малый человек
И потому опасен:
Мне и великий век
Век не наскажет басен.

Поверю не ему,
А солнцу и осоке,
Да тёмному окну
В несломанном остроге.

* * *

Улетели весенние птицы,
И под жёлтый октябрьский мотив
Торжествуют лакей и убийца,
Русской кровью Москву обагрив.

Сыплют теле и радио ложью
Да блестящей рекламной трухой.
Снова правда идёт бездорожьем,
Чтоб осесть в деревеньке глухой.

10 октября 1993 года

А ВЫ

Нормальные люди стихов не читают;
Нормальные люди газеты листают;
Не «ахи» и «охи» их бурями кроют,
А чудокостюмы карденопокроя.
Они не желают, чтоб шапка по сеньке;
По их убежденью все шапки — за деньги.
А вы, стихочиты, а вы, буквочёты,
Срываете планы их важной работы;
Не ходите строем, а сами с усами,
И даже на звёзды вы смотрите сами!

БЕГЛЕЦ

Он шёл, уповая на что-то,
Сверяясь по ковшику звёзд.
Потом его жаркой дремотой
Сморил длинношерстный мороз.
И снились в бору сквозь бессилье
Укрытому снежной золой
Могучего кондора крылья
Над рыжей и голой скалой.
Те крылья его поднимали
Грозово в свистящую высь...
А в тёмном еловом завале
Звериные взгляды зажглись.
Но только ликующим воем
Прожгло необъятную ночь,
Он волю поднял над собою,
Как крылья, чтоб смерть превозмочь.
И ринулся в гордом запале,
По грудь утопая в снегу,
И волки его обегали,
Хвосты подогнув на бегу...
Он вышел к разъезду, неловко
Скрывая бредовый озноб.
Охранник с плеча снял винтовку
И молча прицелился в лоб.

* * *

Холодеет вода.
Золотеют леса.
Словно лемех, звезда
Бороздит небеса.

И в саду на ветвях
Тяжелеют плоды.
И зарницы летят
Бороздою звезды.

Тянет мёдом от сёл
Сквозняковая тьма...
Вот и август прошёл,
Значит, завтра — зима.

ВОЛК

Под кущей сосен длинноиглых
В голубовато-гиблых мхах
Меня волчица не настигла,
Хоть я волчонка нёс в руках.
Меня волчица отпустила,
В чащобе вой её замолк...
Два раза рожь отколосилась,
И вот он вырос — гордый волк.
К нему спиной уже не сядешь
И не заснёшь пред ним в стогу, —
В его зверином жёлтом взгляде
Всегда готовность есть к прыжку.
Но мне подобное и мило!
Покорность что? Ей грош цена!
Но много стоит злая сила,
Что, как струна, напряжена!
Я сам такой, лишь выром ране
Да чуть покрепче и лютей,
И мы, конечно. Рядом встанем,
Когда придётся, на людей,
Клыки направив в гиблых играх,
Что на других наводят страх...
Не зря волчица не настигла
Меня в голубоватых мхах.

* * *

Это всё намного проще,
Чем казалось до сих пор:
Надо просто через рощу
Выйти прямо на бугор;
Покреститься, поклониться
На четыре стороны
И шагнуть, и птицей взвиться
В синий посвист вышины...
Ну а если слишком грешен
И темна твоя звезда,
Там внизу, среди орешин,
Примет чёрная вода.

* * *

Багровые холодные стволы,
На синих иглах золотистый иней...
И дальний звук бензиновой пилы,
И тайны страх, что всё вот это сгинет.
Брожу, как бы прощаясь навсегда
И с чистым снегом, и с сосновым бором, —
Урчит, урчит грядущая беда
Старательным бензиновым мотором.

А над мотором тоже человек,
И, в ствол вгоняя нож быстролетающий,
Он щурится из-под набрякших век
Да, смахивая пот, мигает чаще.
Он думает про старенький барак,
Где дочки спят, жена готовит стирку.
Он думает, что надо б кое-как
Скопить деньжат на новую квартиру.

А в гордом небе льдисто-холодны
На облаках застыли глыбы света...
и в ком искать печальный мрак вины,
Коль породила всех одна планета?

В ЗЕЛЕНЦИНО

Пришёл туда, где и меня любили,
Где и меня встречали по уму,
Но мне стола сегодня не накрыли —
Лишь комары живут в пустом доме.
Лежат на подоконниках уныло
Уже сухие трупики шмелей, —
Что было домом, стало вдруг могилой,
Такой извив суждён судьбе моей.
Что толку вспоминать родные лица
В неодолимо-мёртвой тишине, —
Им из земли уже не возвратиться,
Не ждать меня, не горевать по мне.
Не потому ли, преклонив колени
На кладбище у дорогих могил,
Покину с горьким чувством облегченья
Тот край, что больше вечности любил.

* * *

Я звёзды любил...
Но предали меня звёзды,
оставив навеки на тёмной земле.
Я землю полюбил, её пашни и рощи...
Но предала земля,
к людям послав на жизнь.
Я людей полюбил...
Но предали меня люди
тоске и пустым размышлениям
о Смысле и Цели...
И тогда пришла Смерть
в подвенечном платье, в белой фате
и сказала:
— Что опаздываешь в церковь жених мой?
Я отпустила тебя на минуту,
а ты с дружками болтаешь
уже целую жизнь!

СВЕРЧОК

Он так неуклюж сверчок
И ползает еле-еле;
Забьётся меж брёвен в щели
И там себе «чок» да чок».
А утром выходит есть
На лавку сухие крошки, —
Коричнево-серый весь,
Как нитки, усы и ножки...
Но если в округе дождь
Осенний да непрерывный,
Но если уже не ждёшь
Ту, что ты ждал, наивный;
А в потолке крючок
Верёвочной манит тишью,
Не то, чтобы люб сверчок,
Он попросту здесь не лишний.

* * *

Снег холоден, огонь горяч...
Но общих истин так немного!
И по-иному всяк, кто зряч,
Увидит старую дорогу.

Но только я, как бы с конца
Играя памяти пластинку,
Опять узрю на ней отца,
Что режет рыжики в корзинку.

То было тридцать лет назад.
Дорога уже, выше ели...
Отец, средь траурных оград
Не жёстко ль спать в земной постели?

* * *

Будь проклят мир, в котором смерть стлала
Бессмертное язвительное ложе,
Где лгут кресты, где лгут колокола,
Где даже воздух весь пропитан ложью!
Будь проклят путь, которым обречён
Идти я по лугам, полям и стогнам,
Где каждый нищий к месту пригвождён
И прямо в сердце гвоздь по шляпку вогнан!

Но что мои проклятия тому,
Кто, улестив вкусить от Древа Знаний,
Навлёк на нас рыдающую тьму
И отвратил навек от покаяний.
Его язык гудит в колоколах,
Его лицо сияет в знойном диске,
Его дыханье тлеет на губах
Не только дальних, но и самых близких.

* * *

Духов день. Точнее вечер.
Полнолуние. Шум листвы.
Росы падают на плечи
Застоявшейся травы.
Коростель скрипит за садом.
Блекнет медленный закат.
Был бы Ты со мною рядом,
Я и жизни был бы рад:
Молоку в холодной кринке,
Мухобойке на столе...
Плохо маленькоц кровинке
Жить без сердца на земле.

* * *

За дождями рябыми осенними,
За бурьянами стылой земли
Есть изба с золотым оперением,
Что сверкает коньком издали.

В той избе, высока, русокоса,
В сарафане с узорной каймой,
Смотрит девушка в пёструю осень,
Как ромашковый цвет полевой.

И, тоскуя о суженом миллом,
Над сосновым теплом половиц
На льняном на холсте белокрылом
Вышивает невиданных птиц.

Когда гибкая верба весенняя
Озарит позолотами сад,
Эти птицы сверкнут оперением
И за милым дружкой полетят...

Я хожу тротуаром простуженным
При ущербной и блеклой луне.
Почему эта дума о суженом
Никогда не была обо мне?

* * *

Сентябрьский вечер солнечно-туманен,
Лучатся алым яблоки в саду,
И ветра нежно-женское касанье
Кольшет за калиткой лебеду.

Легко бродить по шёлковой отаве
И всласть дышать шуршащей тишиной...
А вдруг Господь и вправду не оставит
Меня, мою деревню, дом родной?

* * *

Желтели придорожные аллеи,
И парк желтел над медленной рекой,
И по мосту ползли автомобили,
И золотые шпили клоколен
На противоположном берегу
Сияли в низких солнечных лучах,
Тяжёлыми сосновыми стволами
Ложась в угрюмо-глянцевые воды
Над белизной монастырских стен.
А слева от соборов к сини неба
Тянулись крыши разноцветных зданий,
Фабричные и заводские трубы,
Ушастая громада телебашни
И гул полуутробный. Город жил
Веками, годом, часом и минутой...
О бренности, о славе, о любви
Тот человек отдумал в этом мире
И, глядя на пролётные машины,
На лица горожан и горожанок,
Измятые страданиями — постарше,
И бледные от счастья — молодые,
Всё до конца в них вроде б понимал.
Потом шагнул порывисто к перилам
И наклонился, и почти беззвучно,
Лишь полы пиджака слегка шуршали,
Крылами перебитыми болтаясь
Над головой, летел одно мгновенья
До масляной поверхности воды.
Негромкий всплеск печально вплёлся в гул.

А несколько прохожих на мосту
Собрались воробьино-бойкой стайкой;
При галстукe и шляпe гражданин
Твердил: «Вот так вот — раз и
поскользнулся,
И прямо в реку сгинул человек».
— «Куда спасти? Такая высота!»
— «Милицию! В милицию скорей!»
И паренька в потёртых серых джинсах
Отправив позвонить по таксофону,
Поспешно разошлись. Слугу закона
Остались ждать два странных очевидца:
Один, высок, угрюм и бледнолиц,
Глядел на золотистую округу,
На вольную реку и снова думал
О бренности, о славе, о любви;
Другая, отвернувшись от него,
Молилась про себя на свет соборов
О горестно пропавшем человеке.
А в тёмных струях празднично желтели
Надломленные шпили колоколен.

* * *

Он вернулся на землю, пошёл по земле, —
Загудели ристалища улиц,
И разъятые формы очнулись в золе,
Лишь знакомые души вернулись.
Телефонные трубки врывались в дома
И сгорали в неистовом звоне,
И бесстрастные люди сходили с ума,
Обжигая о весность ладони.
На кровавых кульпянках ползла нищета;
С пыльных окон решётки срывая,
Выбегали блаженные, пену и рта
Его светлой полкой утирая...
И покорная Слово раздвинулась твердь,
И повёл всех к зениту от края...
А в неоновом варварстве корчилась Смерть,
На бетонной земле умирая.

СОДЕРЖАНИЕ

«Заводи свою песню старинную...»	3
«Что-то большее было, чем счастье...»	4
Дождь	5
«Автобусы полупустые...»	6
«Две рощи есть на родине моей...»	7
«Каплей расплавленной стали...»	8
«О сколько, мать, ты думала о сыне...»	9
«Зачем вырастают деревья на крышах...»	10
«Когда звезда кошачьим глазом...»	11
Июльский ливень	12
«Всю ночь туман стоял в лесу...»	13
«Холодно. Тускло. Бездомно...»	14
Чужая	15
«Ранний снег согнул ветки ивы...»	16
У смертного одра	17
«Когда между двух рядов зданий...»	18
«Река весенняя гола...»	19
Весняна	20
Флоксы	21
«Снова звёзды горят на паркетах...»	22
«Если что-то во мне есть хорошее...»	23
«Куда ты летишь, голубая стрела...»	24
«Сизый ветер. Тяжёлые тучи...»	25
«Дождик зашлёпал по полю капустному...»	26
«Лохматое солнце...»	27
«Дремлет пенное море овса...»	28
Я и она	29
Воспоминание о Переборах	30
«На окнах решётки...»	31
«Луна, и под луной звезда...»	32
« — Помедли, друг, не уходи...»	34
«А дождик и мгла расплзлись вдоль дороги..»	35
«Здесь дом стоял, теперь стоит бурьян...»	36
Письмо	37
На заре	38

«Ненастный день погас. Осенний день...»	39
«Было холодно, было грустно...»	40
«А вещи совсем не зловещи...»	41
«Опять на площади толпа...»	42
«И холодно. И ветер гулевой...»	43
О лицах	44
«Бабка садилась за жёрнов...»	45
«Намерзает на лужи заря...»	46
«И возле дома лепишь ты снежки...»	48
Сонет старости	49
После кражи	52
Семейная ода	53
«Глина, воздух, огонь и вода...»	54
«Церквушке светлой минуло полтыщи...»	55
«Я — малый человек...»	56
«Улетели весенние птицы...»	57
А вы	58
Беглец	59
«Холодеет вода...»	60
Волк	61
Времечко	62
«Это всё намного проще...»	63
«Багровые холодные стволы...»	64
В Зеленцино	65
«Я звёзды любил...»	66
Сверчок	67
«Бессилен ум и немощна душа...»	68
«Вырывая бугристые корни из почвы...»	69
«Снег холоден, огонь горяч...»	70
«Будь проклят мир, в котором смерть стлала...»	71
«Духов день. Точнее вечер...»	72
«За дождями рябыми осенними...»	73
«Сентябрьский вечер солнечно-туманен...»	74
«Желтели придорожные аллеи...»	75
«Он вернулся на змлю, пошёл по земле...»	77

Смирнов Анатолий Павлович

ОСЕННИЙ ЧЕЛОВЕК

Стихи

Книга выходит в авторской редакции

Сдано в набор 20.03.96. Подписано к печати 20.08.96.

Формат 70х90/32. Гарнитура литературная.

Бумага типографская. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,96

Тираж 300 экз. Заказ 225.

Издательство «Рыбинское подворье»

152912, г. Рыбинск, Волжская набережная, 77.

Типография АСО «Вымпел»

152912, г. Рыбинск, ул. Новая, 4.

